

**Ономастическое пространство
(деривационно-коррелятивный аспект
изменения грамматических функций)**

Морфологической особенностью имен собственных (ИС) является отсутствие соотносительных по числу пар, т.е. строгая маркированность граммы. ИС могут входить в формально-семантическую дихотомию с апеллятивами и при утрате своих категориальных значений (или части их) могут приближаться к апеллятивам или переходить в деонимизированные апеллятивы. На семантическом уровне они характеризуются двумя категориями: неспособностью к счету и идентификацией, в результате чего ИС получили название «несчетных идентификаторов».

Нас интересуют отношения различных классов онимов к неопределенному множеству, выраженные эксплицитно - изменением грамматического значения числа - или имплицитно в рамках синтагматического контекста без изменения у ИС грамматического значения числа.

В качестве предмета описания нами выбран актуализированный экспрессивно-коннотативный и функционально-стилистический потенциал грамматической категории числа онимов в поэтических идиолектах Б.Ахмадулиной и А.Вознесенского, сопоставление способов передачи вторичной информации грамматических единиц.

Количество собранного материала позволяет определить уровень функционирования плюративных форм онимов в поэтических идиолектах Б.Ахмадулиной и А.Вознесенского как высокочастотный. Рассмотрим виды трансформированных онимов, располагая их по количественному признаку.

Плюративные формы антропонимов и экспрессивно-стилистические функции деривационно-коррелятивных экспонентов в контексте. Образование плюративных форм антропонимов с окказиональным переходом в апеллятивы - характерный прием в творчестве А.Вознесенского и малочастотный в поэтическом идиолекте Б.Ахмадулиной.

А.Вознесенский использует для трансформации имени наиболее известных деятелей в различных областях науки, культуры, а также имена популярных героев литературы. Ср.: - Колхозник, как надои кукурузы?

Колхозник: «До небес! И соловьи в ей свищут **как Карузы**» [7:10]. Две реплики прекрасно характеризуют как уровень компетентности интервьюера в делах сельского хозяйства, так и уровень интервьюируемого в вопросах культуры речи. Но вместе с тем фоновые знания позволяют отвечающему употребить фамилию известного оперного певца (нарушив, правда, несклоняемость и согласовав с существительным соловьи в числе). - А на 6-ом этаже (только выдержал дом бы!) проводят испытания сексуальной бомбы. - У, аспиды, портят расу...- Голубые **Пикассы** [5:411] . Если в первом случае плюратив ИС обозначает неопределенное множество, но сема «певец» актуализирована, т.е. понятно, что речь идет о певце, то во втором случае плюративная форма в норме несклоняемого существительного не содержит указания на группу лиц, занятых живописью, и вообще, судя по определению, не указывает на художника. Непривычный звуковой комплекс сигнализирует об агрессивном обывательском неприятии Пикассо. Данный звуковой комплекс стал планом выражения нового означаемого (**Пикассы** - некто, группа лиц, чьи позиции говорящий не разделяет и априори знает, что они неправы). Это социально значимый символ со знаком минус. «Социально-символический смысл ономастической лексики может быть узуальным (осознаваться всеми носителями языка) и окказиональным (возникать в виде «актуального смысла» в определенных контекстах и/или в идиолектах отдельных носителей языка)» [13:147].

Плюративные формы могут также появляться «при окказиональном переходе имени собственного в имя нарицательное, когда антропонимы не идентифицируют конкретных детонатов, но приобретают понятийные признаки и входят в качестве маркированных (эмоционально окрашенных) синонимов имени нарицательного...» [4:106]. Например, имена известных военных деятелей, переходя в апеллатив с плюративной формой, называют захватчиков вообще: Не красть вам Россию, блатные **батыи**. И имя вам - свора, а не легион [9, т.3:106]. Именами известных ученых называют ученых вообще: **Дарвины**, **Рошали** ошибались нечасто [9, т. 1:65]. Помогите Время сдвинуть с мертвой точки. **Канты**, **Марксы**, **Ленины** все - второстепенники [5:483]. Этот процесс весьма актуален, он может обходиться и без образования плюративных форм: ментор, хулиган, геркулес, дон-жуан, обломов.

Весьма часто для создания обобщений А.Вознесенский использует имена широко известных персонажей, актуализируя плюративной фор-

мой те качества, которые им приписываются социумом. Ср.: Ставили «Отелло». Реквизит - на зеленой сцене платок лежит. **Яги** ухмыляются под хмельком: «Снова мерихлюндии, Мейерхольд?!»[5:365]. **Агосы, Портосы, Арамисы**. В атаку! На приступ! Не срамиться! Былые задиры ушли в дезертиры. Иных убили - иных купили. **Агосы. Портосы. Арамисы**. Тосты. Потомство, Компромиссы [9, т.2:350]. В первом случае отономастический апеллатив передает значение «коварство», «вероломность». А в стихотворении «После фильма. 20 лет спустя» в первых строках в трансформированных онимах актуализируются семы «храбрость», «удаль», «преданность», а далее теми же формами передается (благодаря синтагматике) антонимичный смысл. Если «значение слова является объективным отражением системы связей и отношений, то «смысл» - это привнесение субъективных аспектов значения соответственно данному моменту «ситуации» [11:53].

Но не только имена известных личностей, трансформируясь, дают обобщенное название открытому классу лиц, соответствующих признакам, образующим сигнификат данного неопределенного множества. Часто такими обобщающими названиями становятся имена без пресуппозиционных ассоциаций. Ср.: Не какие-то «винтики», а мыслители, он любил ваши митинги, **Глебы, Вани и Митьки** [9, т. 1:385].

Анютиных дикорастущих глазок здесь вдосталь, и, в отсутствии Анют, их дикие глаза на скалолазов глядят, откуда с толку не собьют [2:269]. В первом случае эмфатизация социально-символического статуса носителей данных имен привела к утрате ИС своей специфики (идентификации индивидуального объекта) и послужила толчком к апеллативизации указанных имен. Во втором случае в трансформации принимает участие и внутренняя форма, актуализированная в антропониме и названии цветка.

Плюративные формы топонимов. За каждым из онимов закреплен ореол конвенциональных смыслов (в том случае, если оним достаточно известен широкому кругу лиц), и эти не определяемые языковой природой ИС смыслы трансформируются при изменении онимом грамматического значения числа. Иными словами, те характеристики, атрибуты, которые приписываются социумом данному объекту в данный период времени (время контекстное) в форме мифа, обобщаясь, переходят в символ. Ср.: Поезд шел по **Варшавам, Берлинам**. Обернулась Марина назад. «Россия моя, лучина...» А могла бы рябиной назвать [7:276].

В данном случае плюративы символизируют направление движения послереволюционной эмиграции, скитание по западноевропейским странам, мечты беженцев о новой жизни и горький хлеб Чужбины. Для адекватного декодирования сообщения важен контекст, определяющий хронотоп и стимулирующий идентификацию пресуппозиционных знаний реципиента с описываемой ситуацией.

Иногда топоним, получая плюративную форму и становясь апеллятивом, и графически пишется со строчной буквы. Ее серые взоры, круглый лоб без морщинки, коммунальные ссоры утишали своей беззащитностью. Любит Блока и Сирина, режет рюмкой пельмени. Есть другие **россии**. Но мне эта милее [8:133].

С изменением грамматической и графической формы меняется и семантическое наполнение, т.е. этот знак становится означающим нового означаемого (другие люди, другой способ жизни, мироощущение), но первичное значение присутствует в неупотребленной форме ед. числа, которую представляет местоимение эта (Россия-Родина-мать). Данное стихотворение посвящено матери.

Значительно чаще плюративные формы топонимов передают обобщенное название местности. Ср.: Их величеством поразвлекчесь прет народ от **Коломи** и **Клязьм** [5:440]. Имеются в виду близлежащие к Москве небольшие города, где в основном жили труженики, пострадавшие во время Ходынской трагедии. Солнце за морскую линию удаляется, дурачась, своей нежной половиною вылезая в **Гондурасах** [6:307]. Где-то в Центральной Америке, в экзотических далеких странах. «Уанджюк, что такое Абебеа?» «Это похоже на абебе. Оно над **Римами** и **Адис-Абебами**. Звенит бессмертное на трубе!» [5:427]. - Над Европой, Африкой, над этническое, безграничное, всеобъемлющее.

Нами не зарегистрировано ни одного случая функционирования оттопонимического плюратива в идиолекте Б.Ахмадулиной, но и она, оставляя ИС категорию идентификации и убирая второй важный параметр ИС - несчетность, трансформирует топонимы в обобщенный символ (с семой «множество»), в данном случае, места: Пусть каждый в **своем Эльсиноре** решает, как может. Дарующий радость, ты - щедрый даритель страданья. **Но Дании всякой** нам данной, тот славу умножит, кто подданных душу возвысит до слез, до страданья [2:286]. В данном стихотворении, посвященном В.Высоцкому, семантические конкретизаторы **в своем, всякой** расширяют локальность топонима до мас-

штаба всего земного шара, с одной стороны, и сужают до «малой родины» каждого адресата, с другой. Формально не нарушая грамматическое значение сингулятива, поэтесса синтагматически передаст значение плюратива, признавая в каждом из нас Гамлета.

Актуальность данного художественного приема подтверждается многочисленными примерами: Какая вновь взята **Казань** и в честь каких побед и ран встает мучительный глазам цветастый азиатский храм? [1:138].

Интерес вызывает и случай актуализации в одном ИС (название марки автомобиля - «Волга»), производящей базы данного ИС - гидронима (река Волга). Актуализация передается деонимизированным апеллятивом через синтагматику и интенсифицирует пресуппозиционные знания реципиента: Прости господи стояла у машинного потока. Прости господи, машины, прости господи, летели. Что ты в них искала? Прынца в «Волге» папы? Или папу с пачкой зелени искала? Почему не подошел я? С полчаса ты столбенела в напряженье. Вдруг, зажмурясь, - мол, ищите меня **в волгах!** - Молча бросилась под тачку. Прости господи, таксиста! [5:24]. Хотя синтагматика явно указывает, что речь идет о большом потоке машин, вместе с тем латентно высвечена сцена самоубийства Катерины из драмы А.Н.Островского «Гроза», бросившейся в Волгу. По контрасту поступок героини стихотворения выглядит фарсом.

Можно сказать, что ИС, подвергшееся трансформации и написанное со строчной буквы, именно таким написанием позволило предположить, что плюративную форму могло получить как ИС «Волга», так и гидроним Волга.

У Б.Ахмадулиной интересен пример трансонимизации ИС внутри данного класса. Не нарушая грамматическое значение числа ИС, она использует выразительные возможности в рамках дихотомии одушевленность/неодушевленность, переводит ИС из топонима в мифоним путем метафорического олицетворения: **Елабугой** твоей, чтоб спали внуки, старухи будут их страшать в ночи, что нет ее, что нет ее, не зная: «Спи, мальчик или девочка, молчи, ужо придет **Елабуга** слепая» [2:136].

Далее идет детальное описание чудовища **Елабуги**: у нее множество ног, щупальцы, хвост и детеныши зеленого цвета. Так трансформирован топоним Елабуга (место гибели Марины Цветаевой) в мифоним, и это свойство ИС не раз отмечалось исследователями. Например, Н.Г.Михайловская утверждает, что «...собственное имя, наряду с дру-

гими элементами языка, употребляясь в качестве компонента поэтического произведения, не является стабильным; используясь в разнообразных грамматических конструкциях, в разных функциях, с разной целевой установкой, оно почти каждый раз претерпевает трансформацию. Такая трансформация, и смысловая, и экспрессивная, не только является свойством самого имени, но в первую очередь зависит от контекстных условий...» [12:187].

Выразительные возможности плюративных форм космонимов. Функционирование ненормативных плюративных форм космонимов в идиолектах обоих поэтов - явление не характерное, число словоупотреблений ограничено. Из них наиболее частотно используется плюративная форма астронома **солнца** и **луны**. Значительно чаще данные словоупотребления встречаются у Б.Ахмадулиной.

Правомерность включения слова **солнце** в онимы подтверждается тем, что «имя это столь привычно, что мы даже пишем его со строчной буквы, хотя оно обозначает только один объект и поэтому, вне всяких сомнений, является именем собственным» [10:182].

Трансформированные астрономы используются, как правило, для поэтического обозначения дней и ночей. Ср.: Так утекают дни, с небес роняя разнообразье еженощных **лун** [1:19]. «Возлюбленный, когда ж вернешься?! Четыре тыщи дней, как ноша, четыре тысячи ночей не побывала я ничьей, соседским детям десять лет, прошла война, тебя все нет, **четыре тыщи солнц** скатилось... [5:433]. - Печально озираю лепестки - Я погубитель **лун** и **солнц**. Прости [1:296]. Спектр трансформируемых астрономов шире у А.Вознесенского: Коровы программируют погоды. Их перпендикулярные соски торчат, на руль колумбовый похожи. Им тоже снятся **Млечные Пути** [6:89]. Мимо **марсов** днепрогэсов, мачт, антенн, фабричных труб... [5:383].

Плюративы топонимов часто передают обобщенное название определенной местности. При полной деонимизации апеллятивы могут писаться со строчной буквы, таким образованиям свойственны наиболее глубокие семантические сдвиги.

Не используя, как правило, эксплицитно оформленных плюративных форм топонимов, Б.Ахмадулина достигает такого же расширения значения, его обобщенности, передачи неопределенной множественности объекта сингулятивом в определенным образом оформленном контексте с семантическими конкретизаторами.

В формировании смысла некоторых топонимов-плюративов большую роль играет полипресуппозиционность онима (автор актуализирует не только базовые, но и периферийные пресуппозиционные значения). Это в равной мере свойственно и Б.Ахмадулиной, и А.Вознесенскому.

Для идиолекта Б.Ахмадулиной характерно использование способа трансонимизации онимов в рамках ономастикона (напр., из топонима в мифоним и т.д.).

Единственный разряд онимов, где количество словоупотреблений плюративов значительно больше у Б.Ахмадулиной, чем у А.Вознесенского (это касается, в основном, слов **солнца, луны**) - астрономы, но спектр трансформируемых форм и здесь шире у А.Вознесенского.

Рассмотренные материалы обосновывают следующие выводы:

Трансформации в рамках дихотомии онимы/апеллятивы принадлежат к высокочастотным.

А. Вознесенский активно образует плюративные формы антропонимов. Данные образования содержат большой выразительный потенциал. Для Б.Ахмадулиной этот художественный прием не характерен.

Расширение лексического значения плюративных форм антропонимов, как правило, идет в соответствии с законом: плюративная форма от имени известного певца передает неопределенное и неоднородное множество певцов, от имени ученого - именуется всех ученых вообще и т.д.; неизвестные, бытовые антропонимы - называют страт, которому свойственны. «У контексті власні назви... зазнають функціонального зміщення у бік розширення діапазону числового значення, поява співвідносних форм опозиційної пари не вказує на змістову кореляцію, відтворену граматичними формами, оскільки множинність власного імені не становить ідентичного повторення одиничного корелята. Утворення бінарних одиниць супроводжується зміною лексичного значення останніх» [3:155].

Иногда плюративная форма незнакомого звукового комплекса иностранного онима может передавать отрицательное отношение вообще к представителям «забугорья», без уточнения смысла онима, подвергшегося трансформации.

Для адекватного декодирования плюративной формы топонима важны контекстная синтагматика и фоновые знания реципиента.

1. Ахмадулина Б.А. Сад: Новые стихи. - М., 1987.

2. Ахмадулина В.А. Стихотворения. - М.,1988.
3. Безпояско О.К. Іменні граматичні категорії (функціональний аналіз).- К .1991.
4. Болотов В.И. Множественное число имени собственного и аппеллятива// Имя нарицательное и собственное.- М.,1978.
5. Вознесенский А.А. Аксиома самоиска: Избранные стихи и проза, -М., 1990.
6. Вознесенский А.А. Дубовый лист виолончельный. - М., 1975.
7. Вознесенский А.А. Ров: стихи, проза. - М., 1987.
8. Вознесенский А. А. Россия. Poesia. - М., 1991.
9. Вознесенский А. А. Собрание сочинений: В 3 т. - М., 1983-1984. -Т. 1-3.
10. Карпенко Ю.А. Названия звездного неба. - М., 1981.
11. Лурия А Р. Язык и сознание. - М., 1979.
12. Михайловская Н.Г. Об употреблении собственных иноязычных имен в современной русской поэзии //Имя нарицательное и собственное.- М.,1978.
13. Саплин Ю.Ю. Символическое осмысление ономастической лексики//VI Респ. ономастична конф.: Тези доп. та пов.-Одеса, 1990.

О.О. Порпуліт

Міфонімічний простір чарівної казки: безумовні та ймовірні міфони́ми

Однією з найпоширеніших трансформацій міфа у далеких слов'янських традиціях була казка. Вододіл тут, на думку І.Троцького, проходить у плані соціальної значущості оповіді [15:534], і навіть народи, які стоять на дуже низькому ступені культури, здійснюють у цьому відношенні межу, часто і термінологічно, між міфом та казкою. Міф і казка відрізняються не тільки самі по собі, скільки тим, як до них ставляться: «міф є оповідання релігійного роду, казка - естетичного» [14:46]. Тому казка спрямована не на зображення та пояснення стану світу та його змін внаслідок діяльності героя, а на зображення стану героя та зміни цього стану внаслідок успішного подолання ним лиха, недолі та перешкод. Деякі вчені відзначають, що «казка на відміну від міфу - суцільно «геросцентрична» [11:96].

Центральний образ чарівної казки є наскрізним образом, тобто проходить через увесь твір, тим самим обумовлюючи його одноманітний характер у сюжеті, емоційному тоні, висвітленні інших персонажів. Пер-